

ПРОБЛЕМЫ АГЕНСА С ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

К.Г. Красухин

Институт языкознания РАН

0. Пассивный залог указывает на то, что ситуация не может контролироваться субъектом действия (Hartmann 1955). Самая характерная черта предложения с предикатом в пассивном залоге — это устранение имени действующего лица с позиции подлежащего (*agent/actor demotion, defocusing*, по выражению В. Абрахама (Abraham 2006: xv)). Такое высказывание может и не упоминать о производителе действия. Появляется же он в качестве второстепенного члена предложения — обстоятельства. И в различных языках существуют разные способы выражения деятеля, оказавшегося на периферии. Для их понимания надо учесть, что в качестве активного подлежащего может выступать не только имя действующего лица, но и орудия (*Топор разрубил поле*), явление природы (*Молния повалила дуб*), побудительная причина (лат. *Necessitas me subigit* (Plaut. Pseud. 7) ‘Необходимость меня вынуждает’)¹. Агенса в пассивном предложении может уподобляться им, и не только им. Таким образом, способ его выражения можно назвать метафорическим. В дальнейшем мы будем рассматривать не только грамматические пассивные глаголы, но и те, что обозначают состояние в результате внешнего воздействия.

1. Агенса-инструмент характерен для русского языка:

- (1) *Человек рубит дерево топором* → *Дерево срублено топором / Дерево срублено человеком;*

Он же распространён в древнеиндийском:

- (2) *ahám gṛhám kṛnomi* ‘я строю дом’ → *gṛhár mayá kṛiyate* ‘дом мною строится’
(2a) *gṛhár mayá kṛtás asti* ‘дом мною построен’.

¹ Этот тип высказываний довольно редок. И.М. Тронский (1954: 153) указывает, что имя причины в качестве субъекта — примета высокого стиля или пародии на него. Ср. также Степанов 1989: 14.

В позднем санскрите («Двадцать пять рассказов Веталы») пассивная конструкция в прошедшем времени становится преобладающей:

(3) *rajoktam* ‘царём сказано’;

(4) *mayā¹ nekāni² drśāni³ ratnāni⁴ dvadaśa⁵ varṣa⁶ paryantaṃ⁷ samarpitāni* (I:2)
‘единственные² мною¹ увиденные³ сокровища³ в течение двадцати лет в твоей руке собраны’.

Это фрагмент диалога. В повествовании же такая конструкция со страдательным причастием и подлежащим в творительном падеже имеет значение обычного повествовательного претерита:

(5) *ekasmin divase rājahastān markaṭena phalam grhītvā bhakṣyitum ārabdham* (I:1)
‘В один день Раджахаста обезьяна плод быстро схватила, чтобы съесть’
(дословный перевод ‘обезьяной плод стремительно схвачен съесть’)

Орудие мыслится как добавочное действие. Поэтому падеж инструмента указывает, по сути, на добавочного деятеля. В немецком имя орудия вводится с помощью предлога *mit* ‘с, вместе’:

(6) *Der Zimmerman hat den Baum mit dem Axt gefällt* → *Der Baum wird/ ist mit dem Axt gefällt*
‘Плотник срубил дерево топором’ → ‘Дерево срублено топором (с помощью топора)’

Аналогично выражен инструмент в английском: *The carpenter carved a tree with the axe* → *The tree is carved with the axe*.

В латинском языке имеется «аблатив спутника» (*ablativus sociativus*). В этом падеже употребляются, как правило, собирательные имена, обозначающие группу людей, а также имена неодушевлённых предметов, т. е. субъектов низшего ранга по сравнению с одушевлёнными:

(7) *Pontem Mulvium magno comitatu legati Allobrogum ingredi incipiunt* (Cic. Cat. III:2,6)
‘Послы аллоброгов вместе большим собранием начали заходить на мультвийский мост’

(8) *Scipio profectus in Siciliam est triginta navibus longis* (Liv. I:23,4)
‘Сципион явился в Сицилию с 30 военными кораблями’

Таким образом, метафора агенса-инструмента подчёркивает его подчинённый характер и факультативность в высказывании².

² На это правило имеются ограничения. См ниже.

2. Иногда в именных конструкциях агенс стоит в падеже принадлежности. Иными словами, имеет место метафора «агенс-посессор». В литовском и древнеперсидском языке при страдательных причастиях имя деятеля выражено генитивом:

- (9) др.-перс. *mana krtam* = лит. *máno kùrta*
 ‘мною сделано’.

В древнеперсидском генитивный агенс появляется и при личной форме глагола (Cardona 1970):

- (10) *avayi arika aha auramazda nayi avadiya tāšām auramssdam ayadiy* (DB V 15–6)
 ‘они были нечестивы, и Ахура Мазда ими не почитался; Ахуру Мазду я почтил’.

В древнеиндийском при страдательных причастиях в функции агенса конкурируют генитив и инструменталис:

- (11) *kād ū nv asya ákṛtam indrásya asti* (RV VIII 66, 9)
 ‘что же есть Индрою не сделанное?’;

- (12) *víprair abhístuto apó devá ví gāhate* (RV IX 3, 6)
 ‘певцами восхваляемый, бог этот через воду проходит’.

В русском языке принадлежность выражается оборотом «у + род. п.», который также является метафоричным, так как в его основе лежит представление о нахождении рядом. Агенс с его помощью образуется в литературном русском в особых случаях. Согласно Ю.С. Степанову (1981: 156), переходность глагола может классифицироваться так: эффективная/неэффективная, синтетическая/аналитическая. Эффективная переходность подразумевает, что объект существенно изменяется под воздействием: *строить дом*, неэффективная — объект неизменен: *видеть дом*; это примеры синтетической переходности, при которой объект существует отдельно от действия. Аналитическая переходность означает, что объект встроен в действие: *петь песню*. Но существует ещё один вид переходности, при которой субъект и объект находятся в состоянии взаимного обладания. Возвратный залог от таких глаголов не пассивен, но непереходен (антикаузативен, так как глагол без возвратного залога каузативен по отношению к нему). И при нём появляется имя агенса в посессивной конструкции:

- (13) *Учитель учит мальчика* → *Мальчик учится у учителя*;
 (13а) *Врач лечит больного* → *Больной лечится у врача*;
 (13б) *Мать родила дочь* → *Дочь родилась у матери*.

За такими предложениями стоят пресуппозиции:

- (13') *У врача есть пациент;*
 (13a') *У учителя есть ученик;*
 (13b') *У матери есть дочь.*

С помощью метафор близкого нахождения образуется агенс при пассивных глаголах в английском:

- (14) *The house is building/built by Turkic workers*
 'Дом построен турецкими рабочими'

Конструкция принадлежности «у + род. п.» сформировала и северо-западный русский претерит. В нём глагол стоит в форме причастия прошедшего времени (с суффиксами *-то/-но-* и *-ши-*), прямое дополнение в винительном падеже, подлежащее — «у + род. п.»:

- (15) *У волков корову съедено.*

При непереходном глаголе в аккузативе может стоять подлежащее:

- (16) *Дорогу здесь идёно/ шодши.*

Таким образом, в данном регионе образовалась в претерите эргативная конструкция. Её истоки прослеживаются с XVI в. (Накунг 2009: 209):

- (17) *У царя переложено на се льто рать своя на московскую украину послати*
 («Порубежные места» 95-го тома СИРИО, 1517 г.)
 'У царя (царём) решено: в этот год на московскую окраину свою рать послать'

Таким образом, решение в данном контексте предстаёт как собственность царя. Так формируется агенс-владелец. Рассогласование страдательного причастия также способствует грамматикализации этой конструкции. Развитие этого оборота из притяжательного хорошо видно в:

- (18) *Жена хорошая у меня из Ленинграда взявши*

В этом предложении без труда выделяются две базовые синтагмы: *Жена хорошая* и *Жена из Ленинграда взявши*. Посессор *у меня* относится к ним обеим, и это один из источников возведения его в ранг логического субъекта (Кузьмина, Левченко 1971: 138; ср. Соболев 1998).

3. Агенс-источник в русском языке, как правило, употребляется при непереходных глаголах, обозначающих состояние в результате внешнего воздействия. Может быть описан с помощью двух метафор: собственно источник и посредник.

А. Метафора источника выражается с помощью предлога отделения:

- (19) *Но примешь ты смерть от коня своего* (развернутая конструкция);
свернуто *умереть от раны, болезни, болезни, горя.*

При пассивном залоге этот способ обозначения деятеля встретился в речи персонажа «Муму», который, будучи носителем просторечия, старался выразиться «учёно»:

- (20) *В лучший сустав жизни моей бит от своего брата.*

Метафора источника — один из самых распространённых способов выражения агенса в индоевропейских языках: греч.

- (21) *ὑπὸ Πατρόκλοιο δαμιῆσαι* (II. XVI:434) ‘погибнуть от Патрокла, быть убитым Патроклом’;
(22) *ὑπ’ ἐμοὶ δμηθῆντα* (II. V:646) ‘мною убитого’,
(23) *ἐμῆ δ’ ὑπὸ δουρὶ δαμέντα* (II.V:653) ‘сражённого моим копьём’,
(24) *ὑπ’ αὐτοῦ δουρὶ δαμῆης* (II.III:436) ‘ты бы был им убит’.

В древнегреческом в функции агенса конкурируют генитив и датив; последний чаще обозначает инструмент, хотя в (22) — и одушевлённого деятеля.

Отделительный предлог образует в латинском *ablatives auctoris* ‘падеж творца’:

- (25) *terra ab agricolis colitur* ‘земля возделывается земледельцами’.

Аналогичная метафора образует имя деятеля в немецком:

- (26) *Die Erde wird/ist von (diesem) Mensch gebaut.*

Различение агенса и инструмента — это прежде всего различие инструменталиса-социатива и аблатива: латинский *ablativus* в качестве имени орудия и *ablativus* с *ab* — имя деятеля; в немецком соответственно *mit* и *von*.

В. Метафора посредника выражается с помощью предлогов, обозначающих движение от источника к цели. Она также обычно обозначает побудительную причину:

- (27) *Лоткин через своё женское горе пострадал.* (Ф. Искандер) «Богатый портной и хиромант»)

Но тот же персонаж из «Муму» использует его для обозначения деятеля при страдательном залоге:

- (28) *В молодых летах был я бит через немца-хозяина.*

В латинском языке аналогичная конструкция выражает побудительную причину.

(29) лат. *per laetitiam perfruunt, per gaudium exaltant, per voluptatem bacchanantur* ‘от (дословно — через) радости наслаждаться, от веселья прыгать, от наслаждения безумствовать’.

В древнеперсидском появляется аблатив с предлогом *hača* ‘от’ (< *sek^he- ‘следующий’):

(30) *tyasam hača-ma aqahya* ‘когда мною были руководимы’.

4. Если же в качестве деятеля выступает имя предмета/орудия, то в русском и литовском языке при устранении имени с позиции подлежащего формируется безличное предложение:

(31) *Снег завалил дорогу* → *Снегом завалило дорогу*;

(31a) *Spuogaĩ vaĩkq išbėrė* ‘Ребёнка осыпали прыщи’ → *Vaĩkq išbėrė spuogaĩs* ‘Ребёнка осыпало прыщами’.

Ю.С. Степанов полагал, что именно предложения второго типа являются первичными, а выдвижение имён орудий в позицию субъекта — вторично (1989: 135). Ему же принадлежит интерпретация неопределённо-личных предложений как синтаксических пассивов (1981: 158). С этим можно согласиться с одним дополнением: в обычных пассивных конструкциях агенс отходит на периферию; в неопределённо-личных предложениях он устраняется. Неопределённо-личное предложение и указывает на то, что деятель либо неизвестен говорящему, либо не может быть им назван по каким-то коммуникативным причинам (общеизвестен, самоочевиден, незначим и т. д.): предложение

(32) *В лесу рубят деревья*

указывает на избыточного субъекта, а

(32a) *В лесу срубили самую старую сосну*

допускает неизвестного.

Таким образом, высказывание

(33) *Топор убил человека*

может быть интерпретировано двояко:

(33a) *Топором убило человека*

(33b) *Топором убили человека.*

В (33a) речь идёт о стихийном происшествии, в (33b) — о событии, виновник которого неизвестен.

Признание среды как действующего лица помогает объяснить загадочное предложение в архаической латыни:

- (34) *si hominem fulminibus occisit, ne supra genua tollito, homo si fulminibus occisus est, ei iusta nulla fieri oportet* (Leges Regiae, Numaе Pompilii 57)
 ‘Если человека молнией убьёт, не поднимать его выше колен. Если человек убит молнией, не должно предпринимать относительно него никаких юридических действий’.

Безличный глагол с одним аблативом не характерен для латинского; но он объясним с типологической точки зрения как показатель действия неодушевлённой среды. Таким образом, можно полагать, что в языках мира существует ограниченное количество метафор для выражения агенса. Особая тема, наиболее близкая юбиляру — агенс речевой деятельности, деятель дискурса (Кибрик 2003) — требует особого рассмотрения.

Литература

- Кибрик А.А. 2003. *Анализ дискурса с когнитивной точки зрения*. Дисс. в виде научного доклада... доктора филол. наук. М.: Институт языкознания РАН.
- Красухин К.Г. 2004. *Аспекты индоевропейской реконструкции: Акцентология. Морфология. Синтаксис*. М.: ЯСК.
- Кузьмина И.Б., Немченко Е.В. 1971. *Синтаксис причастных форм в русских говорах*. М.: Наука.
- Соболев А.Н. 1998. О предикативном употреблении причастий в русских диалектах. *Вопросы языкознания*, № 5, 74–89.
- Степанов Ю.С. 1981. *Имена. Предикаты. Предложения: Опыт семиотической грамматики*. М.: Наука.
- Степанов Ю.С. 1989. *Индоевропейское предложение*. М.: Наука.
- Тронский И.М. 1953. *Очерки из истории латинского языка*. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Abraham W. 2006. Introduction: Passivization and typology: Form vs. function — a confined survey into the research status quo. In: Abraham W., Leisiö L. (eds.) *Passivization and typology*. Amsterdam; Philadelphia, 1–27.
- Cardona G. 1970. The Indo-Iranian constructions *mana* [mama] *kṛtam*. *Language*. V. 46, No. 1, 1–12.
- Nakyung J. 2009. Possessive subject, nominalization, and ergative construction in North Russian. In: Bubenik V., Hewson J., Rose S. (eds.) *Grammatical changes in Indo-European languages*. Amsterdam; Philadelphia, 207–220.
- Hartmann H. 1955. *Das Passiv: Eine Studie zur Geistergeschichte der Kelten, Italiken und Arier*. Heidelberg.
- Heine B., Kuteva T. 2002. *World lexicon on Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schwyzler E. 1943. Zum personlichen beim Passiv, besonders im Griechischen. In: *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Historisch-philologischen Klasse*, № 10.